

УДК: 94(571.6)

DOI: 10.51676/2070-9773_2023_10_129

Дата поступления (Submitted) 24.08.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 02.10.2023

Зарубежная деятельность Владивостокского Охранного отделения в 1907-1917 годах

ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ АЗАРЕВИЧ

научный сотрудник Отдела научных исследований

Государственного объединённого музея-заповедника истории

Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева.

690091, Владивосток, Светланская ул., 20

e-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Аннотация. В статье на основе архивных материалов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории рассматривается история деятельности Владивостокского Охранного отделения в Японии и Китае. При помощи анализа ранее не публиковавшихся документов показаны причины начала этой деятельности, её цели и успехи в борьбе с партиями социалистов-революционеров и РСДРП. Показано, что деятельность Владивостокского Охранного отделения за рубежом представляла собой реакцию на события Первой Русской революции 1905-1907 годов, а её успех во многом зависел от общего состояния русско-японских отношений. Использование агентуры и полученных от неё данных позволило установить связи между революционными центрами на территории Китая и Японии в Шанхае и Нагасаки, источники их финансирования и частично выявить состав революционных организаций. Удалось выявить какие виды революционной деятельности считались царскими чиновниками наиболее опасными. Активность революционных партий в эмиграции во многом ослабла после поражения революции и активной работы политической сыска Российской империи. Несмотря на успехи органов политической полиции, их труды не смогли полностью уничтожить революционное движение в стране.

Ключевые слова: Владивостокское Охранное отделение, Охранка, Владивостокская Крепостная жандармская команда, Политический сыск, Владивосток, Нагасаки, Шанхай, Революционное движение на Дальнем Востоке

Foreign activities of the Vladivostok Guard Department in 1907-1917

VASILY KIRILLOVICH AZAREVICH

Research Fellow, Research Department, Vladimir K.

Arseniev Museum of Far East History

690091, Vladivostok, 20 Svetlanskaya St.,

e-mail: v.k.azarevich@gmail.com

Abstract. In the article, on the basis of archival materials of the Russian State Historical Archive of the Far East, the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation and the Russian Far East Archive of Social and Political History, the history of the Vladivostok Guard Department in Japan and China is considered. With the help of analysis of previously unpublished documents the reasons for the beginning of this activity, its goals and successes in the struggle against the parties of socialist-revolutionaries and RS-DRP are shown. It is shown that the activity of the Vladivostok Security Branch abroad was a reaction to the events of the First Russian Revolution of 1905-1907, and its success largely depended on the general state of Russian-Japanese relations. The use of agents and the data obtained from them made it possible to establish links between the revolutionary centers in China and Japan in Shanghai and Nagasaki, the sources of their financing and partially identify the composition of revolutionary organizations. It was also possible to identify what types of revolutionary activities were considered the most dangerous by tsarist officials. The activity of revolutionary parties in emigration weakened after the defeat of the revolution and the active work of the political police of the Russian Empire. Despite the successes of the political police, their work could not completely destroy the revolutionary movement in the country.

Keywords: Vladivostok Guard Department, Okhrana, Vladivostok Fortress's Gendarmes Team, Political In-

vestigation, Vladivostok, Nagasaki, Shanghai, Revolutionary Movement in the Far East

Первая Русская революция 1905-1907 годов была невиданным ранее для Российской империи испытанием. Вместо единичных терактов настала пора массовых бунтов и выступлений, которые охватили города и деревни, армию и флот. В борьбе с революционным движением особую роль играл политический сыск. Резко выросло количество Охранных отделений — основных подразделений политического сыска. Им приходилось действовать реактивно, имея дело с развитым подпольем.

Особую роль в этой борьбе для царских органов политической безопасности играло определение руководящих центров революционного движения. Зачастую таковые находились за границей, что обеспечивало им безопасность от преследований со стороны полиции. Не только центральные, но и региональные органы политического сыска оказались перед необходимостью наладить свою заграничную работу, чтобы как можно скорее подавить революцию в стране.

Рассмотрение этой деятельности на уровне отдельно взятых регионов позволяет понять, на основании чего руководство провинциальных органов политического сыска создавало свои донесения и делопроизводственные документы. Позже на их основании формировалось восприятие революционной ситуации центральными органами власти, которые исходя из этих знаний проводили свою политику по всей империи. В данном ключе особый интерес представляет опыт зарубежной деятельности Владивостокского Охранного отделения в 1907-1917 годах.

Этот опыт представляет собой то, что в микроисторической школе называют исключительным нормальным. С одной стороны, Владивостокское Охранное отделение было типичным региональным подразделением политического сыска со всеми характерными ему проблемами — нехваткой кадров и денег, слабостью агентуры и нахождением в состоянии постоянного цейтнота. В то же время оно отличалось своим положением — под его контролем должна была находиться одна из крупнейших областей Российской империи, Владивостокская крепость, — гарнизон которой был равен гражданскому населению города, — и единственный оставшийся после войны с Японией крупный порт на Тихом океане. При этом и Владивосток, и Приморье находились в уникальном трансграничном положении, при котором они гораздо больше были включены в одну систему отношений с Китаем, Кореей, США и Японией, нежели с остальной Россией, из-за неразвитости транспорта. Основным же её противником был эмигрантский революционный центр в японском городе Нагасаки.

Применяя методы плотного описания и ули-

ковой парадигмы, при которых ставка делается на как можно более подробное изучение тех следов, что остались в архивных документах, можно проследить все этапы становления зарубежной деятельности Владивостокского Охранного отделения. В этом помогут делопроизводственная переписка и агентурные сводки указанного отделения, отчёты и переписка руководства региона, воспоминания участников революционного движения на Дальнем Востоке России и борцов с ним.

Колония эмигрантов-революционеров в Нагасаки возникла в апреле 1906 года из группы в 20 человек, которые организовали издательство и газету «Воля». Летом того же года эсеры-изгнанники поставили перед собой задачу создания революционных организаций на русском Дальнем Востоке, для чего в разные города региона было послано 9 специально уполномоченных агентов. Тогда же группа в Нагасаки получила от ЦК партии эсеров статус Заграничного автономного комитета [1, л. 3]. С сентября 1906 «Воля» превратилась из газеты в еженедельный журнал объёмом 28-40 страниц. Кроме газеты эсеровская типография выпустила с апреля 1906 по март 1907 около 279080 экземпляров разных наименований книг, брошюр и прокламаций и до 20000 открыток и портретов. К концу 1906 года рост организации потребовал её организации. В Нагасаки прошла конференция партии эсеров с участием представителей материковых организацией, была выработана программа. В апреле 1907 года в Нагасаки прошла учредительная конференция Дальневосточного союза эсеров, для которого собранные вокруг «Воли» эмигранты стали руководителями, главными изготовителями и распространителями печатной продукции, каналом связи с ЦК [1, л. 4]. О наличии очень глубоких и крепких связей между группой в Нагасаки и эсерами в Приамурском генерал-губернаторстве говорит, например, тот факт, что устав Военной организации партии эсеров гарнизона Владивостокской крепости был отпечатан в типографии «Воли» в Нагасаки [1, л. 7].

О значимости этой группы для партии эсеров говорит тот факт, что её руководитель Борис Дмитриевич Оржих был назначен членом эсеровского ЦК от Дальнего Востока в 1907 [2, л. 73]. Родившийся в 1864 году в Одессе, Оржих в 1880-е годы был активным участником «Народной воли» и организатором её южнорусской группы. За свою деятельность он в 1888 году был приговорён к смертной казни с заменой на бессрочное заключение в Шлиссельбургскую крепость. В 1898 заключение было заменено ссылкой в город Никольск-Уссурийский Приморской области, откуда он переехал в 1900 году во Владивосток. В столице области Оржих занялся садоводством и выехал оттуда в Нагасаки в 1905 году, с

началом первых правительственных репрессий против революционеров [2, л. 464-467].

Другим лидером эмигрантской колонии в Нагасаки был не менее маститый революционер-народоволец Николай Константинович Судзиловский, родившийся в 1850 году. Будучи студентом, он участвовал в создании народо-вольческих организаций в Санкт-Петербурге и Киеве, а в 1875 эмигрировал в Лондон. Перебираясь из страны в страну, он осел в Сан-Франциско, где принял гражданство США и новую фамилию — Руссель. В этом качестве он активно участвовал в политической жизни Гавайских островов и даже успел побывать в 1901-1902 годах президентом сената архипелага. После этого он покинул США и переехал в Японию, где в годы Русско-японской войны занимался антиправительственной агитацией среди русских военнопленных [2, л. 545]. Оржих и Судзиловский-Руссель конкурировали друг с другом, фактически расколов эмигрантскую колонию в Нагасаки на две неравные группы. При этом оба они были аффилированы с партией эсеров и вели активную антиправительственную работу в Приамурском генерал-губернаторстве и полосе отчуждения КВЖД. Основой их деятельности стало издательство «Воля», издававшее литературу и листовки, при помощи которых велась агитация в Приамурском генерал-губернаторстве.

В этом качестве революционная колония в Нагасаки представляла главную угрозу для политической безопасности Дальнего Востока Российской империи. В отчёте за 1905 год военный губернатор Приморской области Василий Флуг видел главной причиной революционных волнений во Владивостоке влияние революционной пропаганды [3, л. 51об]. В январе 1906 года взбунтовались артиллеристы, которые захватили Иннокентьевскую батарею и угрожали подвергнуть город бомбардировке. Приехавший на переговоры с ними комендант крепости генерал-лейтенант Андрей Селиванов был тяжело ранен, захвату и разгрому подверглась крепостная гауптвахта. Мятеж этот Флуг также считал «делом рук многочисленных агитаторов» [3, л. 54]. При этом, как следует из его же отчёта, антиправительственная агитация велась среди частей крепостного гарнизона почти повсеместно, практически не встречая сопротивления со стороны властей [3, л. 54-54об].

В отчёте за 1906 года Василий Флуг отмечал, что группа в Нагасаки является базой для революционного движения на Дальнем Востоке, а основой её антиправительственной деятельности является тайная агитация среди солдат и офицеров Приамурского военного округа, посредством издательства газеты и нелегальной литературы, а также подготовки и отправки агитаторов из Японии во Владивосток [4, л. 13]. О том же он писал в своих эмигрантских мемуарах в начале 1930-х годов, отмечая, что эмигрант-

ская колония в Нагасаки пользовалась тайной поддержкой японцев с начала Русско-японской войны и первое время после заключения Портсмутского мира. Японские власти поддерживали агитационную работу революционеров среди военнопленных, издание антиправительственных газет, книг и брошюр [5, л. 134].

Кроме того, опасность, исходящую от эмигрантской колонии в Нагасаки, отмечал и генерал-губернатор Приамурья Павел Унтербергер. В своём отчёте за 1907 год он прямо писал, что ещё в 1906 году «всевозможный сброд агитаторов» и «большинство вредных элементов скрылись в Японии» [3, л. 181]. Базой для своих операций против монархического режима в России они избрали японский город Нагасаки. Кроме пропаганды и агитации (о которых писал В.Е. Флуг) эмигранты-революционеры в Японии занимались изготовлением и распространением фальшивых денег, контрабандой оружия и отправкой революционеров-эmissаров в города Приамурья [3, л. 181об.]. Последнее революционное восстание во Владивостоке — бунт частей крепостного гарнизона и кораблей Сибирской флотилии 17 октября 1907 года, — Унтербергер также напрямую увязывал с деятельностью колонии в Нагасаки, которая, по его мнению, не только разлагала войска агитацией, но и руководила подготовкой и ходом бунта через своих эmissаров [3, л. 182].

Стоит заметить, что при всём многообразии деятельности революционеров-эмигрантов в Нагасаки, наиболее опасным их занятием считалась агитация и пропаганда. На это указывали в своих отчётах В.Е. Флуг и П.Ф. Унтербергер, с этой же точкой зрения соглашались представители политического сыска.

Начальник Владивостокской Крепостной жандармской команды Вячеслав Петров в октябре 1906 года докладывал, что главной причиной революционных настроений и бунтов среди солдат является антиправительственная агитация. Петров указывал, что эсеровские и социал-демократические организации «питаются литературой, провозимой из Японии, Читы, Иркутска, Омска и Благовещенска ... и распространяемой через дома терпимости как русские, так и японские» [6, л. 42]. Эмигрантская колония в Нагасаки поставляла наибольшее количество нелегальной литературы. Тогда же удалось установить, что революционные материалы из Японии во Владивосток ввозятся пароходами добровольного флота [6, л. 45]. Позже выяснился список лиц, получавших во Владивостоке газету «Воля» и распространявших её в Харбине. Жандармами был обнаружен ещё один маршрут доставки эсеровской газеты в Россию — из Нагасаки в Шанхай через русскую почтовую контору, а оттуда в Батум, Благовещенск, Варшаву, Николаев, Ростов-на-Дону, Харьков и другие города империи [6, л. 53]. При этом номера газеты «Воля»

и другие выпускаемые эсерами в Нагасаки материалы активно распространялись местными агитаторами среди гарнизона Владивостокской крепости, что также попало в поле зрения крепостной жандармской команды [6, л. 65].

Значимость и масштабы деятельности эсеров-эмигрантов в Нагасаки отмечали и после революции. Так в документах Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) — Истпарта, хранится немало документальных свидетельств этого. В своих воспоминаниях участники революционного движения на Дальнем Востоке отмечают, что в основном революционная литература в 1905-1907 годах попадала в регион в малой степени из США и в основном из Японии [7, л. 1]. Это свидетельство говорит о том, что несмотря на наличие у владивостокской группы РСДРП собственной типографии во Владивостоке, эсеровская типография в Нагасаки была основным поставщиком революционных материалов как для эсеров, так и для эсдеков.

О том, как бороться с этой опасностью представители царской администрации задумались ещё в 1906 году. Весной командующий войсками на Дальнем Востоке Николай Гродеков предложил военному губернатору Приморья Флугу учредить в Нагасаки должность сыщика для наблюдения за революционной колонией. В ответ на это Флуг отметил, что считает данную меру одной из наиболее эффективных для разрешения этой проблемы [8, л. 3]. Этот проект остался нереализованным, по всей видимости, из-за того, что государство, на фоне революционных событий, испытывало нехватку денег и людей для подобной деятельности. Первые сообщения о том, что в Нагасаки издаётся эсеровская пресса, были получены весной 1906 года от военного агента в Китае [9, л. 14]. Другим источником информации стало русское консульство в Нагасаки. Вице-консул Зиновий Поляновский в апреле 1906 года получил от военного губернатора Приморской области просьбу периодически высылать ему эсеровскую литературу, издаваемую в Нагасаки [9, л. 16].

Видимо, военный губернатор поднял перед вице-консулом в Нагасаки вопрос о возможности экстрадиции в Россию бежавших в Японию эсеров. Косвенно на это указывает сообщение Поляновского Флугу о том, что из-за отсутствия соответствующего договора с Японией выдача революционеров возможна лишь в случае их маловероятного нападения на русские корабли или суда в японских портах [9, л. 17]. Отдельно стоит отметить, что российский поверенный в делах в Токио отдельной телеграммой напомнил Поляновскому, что для ведения агентурной деятельности среди революционеров у дипломатов нет денег, сама эта деятельность несовместима с дипломатическим статусом и ставит Поляновского под угрозу высылки из страны [9, л. 18].

В июне 1906 в Японию отправился чиновник

для особых поручений Левицкий-Рогаль, результаты наблюдения которого за эмигрантской колонией были сообщены военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу. Этот доклад был если не первым, то одним из первых документов, в котором излагалась суть проблемы, столь беспокоившей начальство во Владивостоке и Хабаровске.

В первую очередь Левицкий-Рогаль подчеркнул, что сведения о деятельности эсеров в Нагасаки носят неполный характер, из-за отсутствия достоверных источников информации. В своём докладе чиновник отмечал, что первым антиправительственной агитацией в Нагасаки ещё во время Русско-японской войны занялся Николай Судзиловский, который вёл пропаганду среди военнопленных [10, л. 9]. Тех же революционеров, которых Рогаль-Левицкий застал в Нагасаки он характеризовал как «голодную массу хулиганов» [10, л. 9]. В качестве основного источника существования эмигрантов он называл небольшие пособия и нерегулярные подаяния, в виде подписок, собираемых во Владивостоке, Харбине и Шанхае. Именно они были финансовой основой для издания газеты «Воля» и подобной ему литературы.

Так как у местной администрации не было сил и средств к организации регулярного политического сыска во Владивостоке, то эти функции были временно возложены на Владивостокскую Крепостную жандармскую команду в ноябре 1905 года [11, л. 6]. Изначально она была создана для обеспечения безопасности Владивостокской крепости от шпионажа, административных, политических и уголовных преступлений [12, с. 61]. В сентябре 1906 года её начальник ротмистр В.К. Петров выступил с инициативой направить собственного агента в Нагасаки для слежки за эмигрантской колонией [13, л. 1]. Это предложение было одобрено директором Департамента полиции М.И. Трусевичем и в следующем месяце во владивостокский комитет РСДРП был внедрён агент Демьяненко под псевдонимом Бугровский [13, л. 4]. Он стал первым постоянным агентом, который следил за революционерами-эмигрантами в Нагасаки и сообщал о них органам политического сыска.

Так как из-за нехватки людей и денег, а также занятости вопросами военно-полицейского характера по обеспечению безопасности Владивостокской крепости, начальник крепостной жандармерии не мог полноценно руководить политическим сыском, в 1906 году было принято решение о создании Владивостокского Охранного отделения, которое бы занялось сугубо политическим сыском [14, л. 26]. Владивостокское Охранное отделение было создано с января 1907 года и ему по наследству перешла вся агентура, заведённая ранее В.К. Петровым, включая единственного агента в Нагасаки [15, л. 7]. На усиление агентуры в Японии новоявленному охранно-

му отделению полагалось 2600 рублей в месяц [15, л. 54]. Консульские работники в Хакодате, Кобе и Нагасаки были снабжены шифрами для связи с руководством Приамурья и Владивостокским Охранным отделением [15, л. 35 об.].

Параллельно с этим наладились дела у вице-консула в Нагасаки Зиновия Поляновского. По представлению военного губернатора Приморской области Департамент полиции принял решение о выделении Поляновскому 200 рублей на организацию своей агентуры среди революционеров в начале 1907 года [13, л. 7]. Впоследствии ему удалось обзавестись двумя агентами в революционной среде [8, л. 56]. Всего в Нагасаки, в относительно небольшой эмигрантской колонии не достигавшей и ста человек с начала 1907 года действовало не менее трёх агентов царских органов власти. Каковы же были результаты их работы?

Судя по сохранившимся в РГИА ДВ документам регулярную деятельность агентура Поляновского смогла наладить не ранее октября 1907 года, когда военный губернатор Приморья стал на регулярной основе пересылать его сообщения начальнику Владивостокского Охранного отделения. Накануне эсеровского восстания 17 октября 1907 года агентура Поляновского сообщала, что руководитель революционной эмигрантской колонии Борис Оржих выехал в неизвестном направлении из Нагасаки, имея при себе 17000 рублей, оружие и взрывчатые вещества [2, л. 14]. Позже вице-консул сообщил, что за день до восстания к берегам Владивостока отправился миноносец «Хато» с лейтенантом японской разведки на борту [2, л. 29]. Восстание 17 октября 1907 года было последним крупным революционным выступлением во Владивостоке до февраля 1917 года. Оно было подготовлено владивостокской организацией эсеров, агитация которых захватила как артиллерийские части крепостного гарнизона, так и матросов Сибирской флотилии, включая флагман флотилии крейсер «Аскольд» [16, л. 1 об. - 2]. Если восстание среди крепостных минёров было достаточно быстро подавлено, то захваченные мятежниками миноносцы успели выйти от пристаней на рейд бухты Золотой рог, хаотично перемещаясь по которой они вступили в перестрелку с лояльными кораблями флотилии [16, л. 5]. В итоге восстание было успешно подавлено властями, которым удалось локализовать основные его очаги. Тем не менее, было очевидно, что без передачи из Нагасаки агитационных материалов вести революционную пропаганду среди крепостного гарнизона у местной организации эсеров не получилось бы. По этой причине Поляновский прикладывал максимум усилий, чтобы установить взаимосвязи между группами в Нагасаки и Владивостоке, чтобы предотвратить подобные выступления в будущем.

В конце ноября Поляновский сообщил, что

согласно перехваченным телеграммам, ЦК партии эсеров предписал Восточному автономному комитету в Нагасаки прекратить свою деятельность и подготовку новых восстаний из-за активной работы царского политического сыска во Владивостоке и Японии [2, л. 34]. Кроме агентуры Поляновский пользовался услугами японских почтовых чиновников, подкупив которых он получил доступ к почте эмигрантов-эсеров в Нагасаки [13, л. 10 об.]. В своём сообщении на имя военного губернатора Приморской области, подводя итоги 1907 года Поляновский писал, что стараниями его агентуры во Владивостоке удалось избежать и предотвратить новые бунты среди военных, революционные демонстрации, а также готовившееся эсерами покушение на коменданта Владивостокской крепости В.А. Ирманна [2, л. 94].

В остальном агентура Поляновского освещала бытовую повседневную жизнь эмигрантской колонии, особое внимание уделяя перемещению её членов (в первую очередь, Бориса Оржиха). В феврале 1908 года от вице-консула поступили сведения, что ЦК ПСР приказал Восточному автономному комитету прекратить свою деятельность в Нагасаки и перенести её в Шанхай [2, л. 73]. Связано это было не только с эффективной деятельностью охраны, но и с потеплением русско-японских отношений. В результате дипломатического сближения с Россией японские власти решили подготовить и принять новый договор об экстрадиции преступников, согласно которому все русские революционеры, проживавшие в Японии, в любой момент могли быть высланы на родину [2, л. 99].

Несмотря на то, что поступившие от Поляновского сведения позволяли царской политической полиции своевременно арестовывать въезжавших в Россию из Японии революционеров и перехватывать их корреспонденцию и литературу, у руководства полиции возникли определённые подозрения к ним. Поляновский отмечал, что за ним, как за официальным российским представителем, ведётся слежка со стороны эсеров [13, л. 12]. Одной слежкой дело не ограничилось. В феврале 1908 года помощник начальника Владивостокского Охранного отделения ротмистр Александр Стахурский попросил разрешения на встречу с Поляновским в Нагасаки [13, л. 19]. Позже Департаментом полиции была проведена проверка, которая показала, что заметная часть сведений, которые Поляновскому передавала его агентура, была заведомой дезинформацией со стороны Бориса Оржиха и его окружения [13, л. 24 об.]. Наиболее «сенсационные» донесения Поляновского не нашли подтверждения, из-за чего в мае 1908 года посол в Японии предложил Поляновскому ликвидировать агентуру и сосредоточиться на простом наблюдении за эмигрантами-революционерами [13, л. 29]. Это требование, как и результаты

проверки, произвели огромное впечатление на Поляновского. Узнав о том, что он был жертвой дезинформации и ответной агентурной работы со стороны эсеров, вице-консул «потерял спокойствие духа», из-за чего его пришлось перевести на новое место работы — в Кёнигсберг [13, л. 24об].

Все последующие консульские работники России в Японии лишь вели периодическое наблюдение за проживавшими в стране революционерами-эмигрантами, используя вместо агентуры официальные запросы к японской полиции, встречи и разговоры с беглецами. Можно констатировать, что агентурная работа, которую вели сотрудники императорского консульства в Нагасаки, длилась относительно недолго (с октября 1907 по май 1908 года), несмотря на отдельные удачные моменты. Имела множество недостатков и с начала 1908 её качество стало вызывать всё больше подозрений со стороны жандармских офицеров. Амбициозный, инициативный, но совершенно не опытный в вопросах политического сыска вице-консул Зиновий Поляновский пал жертвой собственной агентуры, из-за чего всю сыскную деятельность в Японии сосредоточило в своих руках Владивостокское Охранное отделение.

В феврале 1908 года начальником Владивостокского Охранного отделения стал ротмистр Илларион Евстафьевич Хуциев, который весьма энергично принялся за работу. Как позднее писал про Хуциева в своих мемуарах В.Е. Флуг: «он вполне удовлетворял своему назначению, ведя свою нелёгкую работу умело, добросовестно и не только себя не рекламируя, но, напротив, оставаясь в тени. При нём деятельность нагасакской революционной базы заметно заглохла, явилась уверенность, что повторения неожиданности, подобной той, которую власти крепостного района были «огорошены» 17 октября больше не произойдёт». [5, л. 21].

При помощи перехвата почты Владивостокскому Охранному отделению удалось установить, что у председателя Восточного автономного комитета эсеров в Нагасаки Бориса Оржиха во Владивостоке есть контакт среди офицеров крепостного гарнизона. Им оказался поручик 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка И.В. Иванов [2, л. 106]. Он пробыл под наблюдением на протяжении весны 1908 года и, по данным агентуры, входил в состав Владивостокского комитета партии эсеров [17, л. 373].

В марте 1908 года посол России в Японии Ю.П. Бахметев сообщил, что газета «Воля» прекратила свою деятельность под давлением японских властей, недовольных тем, что их работа портит отношения с Россией. При этом Бахметев отмечал, что группа в Нагасаки всё равно собирается продолжить выпуск революционных агитационных материалов и литературы, но уже под другим названием [2, л. 116]. Позже Поляновский со-

общил во Владивосток, что из Нагасаки начался отъезд революционеров [2, л. 117].

Резкие изменения в порядке жизни революционной колонии в Нагасаки были связаны не только с улучшением деятельности русской политической полиции. Ещё осенью 1907 Россия и Япония подписали соглашение о взаимном признании территориальной целостности и определении сфер влияния в Китае. Как отмечал Бахметев, соглашение это было особенно важно для японской стороны, так как после его подписания причастные к нему японские чиновники получили новые титулы и награды [18, л. 1]. Само же оно сняло угрозу новой войны между двумя странами и превратило Японию в партнёра России [18, л. 2-3]. Начался этап сближения в русско-японских отношениях, одним из проявлений которого было демонстративное исчезновение покровительства нагасакским революционерам-эмигрантам со стороны японских властей.

В связи с этим в начале 1908 года Департамент полиции разрешил начальнику Владивостокского Охранного отделения ротмистру И.Е. Хуциеву командировку в Японию, в ходе которой он также общался со своими японскими коллегами, которая состоялась весной того же года. По итогам своей поездки Хуциев констатировал, что к маю в Нагасаки осталось в разы меньше революционеров, чем было в конце предыдущего года; деятельность их расстроена, связь поддерживается лишь с эсеровским ЦК, а огромное количество революционной литературы ждёт на складах того времени, когда на Дальнем Востоке возродится революционное движение [2, л. 353]. Также он сообщил, что ЦК предписал революционерам покинуть Нагасаки и переместить Восточный автономный комитет в Шанхай, а средства для его деятельности собирать в Маниле, где можно установить связь с американскими предпринимателями, готовыми помогать эсерам [2, л. 353-354]. Основной причиной переноса деятельности эсеров за пределы Японии в Китай и на Филиппины Хуциев назвал изменения в японском законодательстве, согласно которым всем революционным эмигрантам грозила выдача в Россию с 1 ноября 1908 года [2, л. 354]. Также японские власти были недовольны тем, что группа Николая Русселя-Судзиловского стала вести революционную агитацию уже среди японских рабочих, подбивая их на бунт. Как докладывал Хуциев, опрошенные им японские чиновники указывали на опасность этой агитации и считали, что в ближайшие 10 лет в не оправившейся от войны Японии, которая страдает от дефицита бюджета, высоких налогов и дороговизны товаров, может произойти революционный взрыв [2, л. 354].

Также в своём докладе ротмистр Хуциев подверг сомнению лояльность нового русского посланника в Нагасаки Лебедева, указав на то, что тот поддерживает хорошие отношения с ре-

волюционными эмигрантами, а его секретарь Владимир Михайлов даже был под следствием из-за подозрений в революционной пропаганде [2, л. 355]. Благожелательное отношение русских дипломатов в Нагасаки к находящимся там революционерам отмечали также японский губернатор провинции и глава городской полиции. Исходя из всех полученных сведений Хуциев принял решение о том, чтобы усилить агентуру в Нагасаки и перенести её центр в Шанхай, в связи с изменениями в дислокации Восточного автономного комитета эсеров [2, л. 359-360]. Всего же Хуциеву и его агентуре в Японии удалось собрать данные о 192 активных эмигрантах-революционерах, которые были переданы не только в Департамент полиции, но и прокурору Приамурского военно-окружного суда, начальникам Сибирского Районного, Читинского охранных отделений, розыскных пунктов в Благовещенске, Хабаровске, Никольске-Уссурийском и начальникам железнодорожных жандармских управлений в Харбине и Владивостоке [2, л. 361-362].

До инспекции Хуциева агентура охранного отделения в Нагасаки предпочитала вести наблюдение за местными революционерами, стремясь, в основном, узнать под каким именем они собираются выехать из Японии в Россию. Такова, например, была работа первого заграничного агента Владивостокского Охранного отделения Ильи Демьяненко-Буговского. При этом агент предложил своему начальству ещё летом 1907 года подорвать клуб русских эмигрантов в Нагасаки, чтобы японские власти выслали их из страны. Это предложение было отклонено Департаментом полиции как неуместное и противозаконное, а агент отозван во Владивосток [19, с. 29].

Судя по сохранившимся документам, агентура Охранного отделения в Нагасаки состояла из двух типов сотрудников. Первые работали в среде эмигрантов периодически, выезжая во Владивосток после установления нужной информации. На каждую революционную партию во Владивостоке у охраны приходилось по три-четыре агента [20, с. 187]. Например, Иван Андрианович Парамонов, он же агент Владивостокского Охранного отделения «15», с апреля 1909 по 1912 года находился на работе в Нагасаки [21, л. 21]. Оттуда он сообщал установочные данные о Русселе, Оржихе, о заготовке и рассылке ими революционной литературы, их связях с Парижем, Одессой и Севастополем [21, л. 22-22 об.]. В то же время в конце 1911 он выехал во Владивосток «по партийной надобности», где использовался начальником охранного отделения ротмистром К.А. Нагродским для сыска членов организации «Военный союз Владивостокской крепости» [22, л. 64]. Другой тип агентуры — завербованные эмигранты, постоянно находившиеся в Нагасаки. Один из них, бывший лейтенант царского флота Андрей Деливрон, доставшийся «по на-

следствию» от агентурной организации Зиновия Поляновского [2, л. 624].

Также русские жандармы не брезговали вербовать своих японских коллег. Один из завербованных японских полицейских летом 1908 года обнаружил, что японские фальшивомонетчики изготавливают печати енисейского губернатора, коменданта Владивостокской крепости и других царских чиновников в Сибири и на Дальнем Востоке [2, л. 489]. При обыске принадлежавшей Борису Оржиху типографии было найдено 150 штемпелей различных печатей и 28 фальшивых паспортов. Также японские жандармы нашли 2 браунинга и 180 разнообразных патронов. У самого Оржиха был изъят портфель с документами, которые Хуциев собирался получить через своего агента в японской полиции [2, л. 489].

Активная самостоятельная деятельность и привлечение к ней японских коллег привели к тому, что к ноябрю 1908 года Нагасаки превратился в пристанище для беглых каторжан [2, л. 590]. Революционеры переместились в Шанхай, где они находились под наблюдением царской политической полиции.

Первые эмигранты-революционеры появились в Шанхае в 1906 году и сразу же привлекли к себе внимание русского консула и приамурского генерал-губернатора. Последний направил в МВД просьбу о создании отдельной агентуры в этом китайском порту, но получил отказ, вызванный нехваткой денег [25, л. 3-3 об.]. В дальнейшем наблюдение за немногочисленными революционерами в Шанхае велось силами русского консула в Шанхае Константина Васильевича Клейменова по согласованию с приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером [25, л. 4]. С конца 1907 года численность русской эмигрантской революционной колонии в Шанхае стала возрастать, что было отмечено в делопроизводстве приамурского генерал-губернатора с МВД [25, л. 2].

Как и в случае с колонией в Нагасаки дело резко пошло в гору после назначения И.Е. Хуциева на должность начальника Владивостокского Охранного отделения. Ещё во время своей командировки в Японию он решил обзавестись постоянной агентурой, которая бы работал в Шанхае, на что получил добро от Департамента полиции. С весны 1908 года агентура в Нагасаки стала собирать сведения о шанхайских группах революционеров [2, л. 559]. Осенью 1908 ротмистром Хуциевым была создана в Шанхае постоянная агентура, способная собирать информацию о проживавших там революционерах [13, л. 30 об.].

Восточный автономный комитет партии эсеров переехал из Нагасаки в Шанхай в октябре 1908 года [24, л. 111]. К этому времени агентуре Владивостокского Охранного отделения удалось установить, что руководящий центр эсеровской военной организации находится в Хель-

синки, а в Шанхае, Коломбо и Нагасаки созданы его центры для руководства революционной деятельностью на Дальнем Востоке и в Сибири [24, л. 212].

Агентом владивостокской охраны в Шанхае был человек, скрывавшийся под псевдонимом «Ловкий» [25, л. 30]. Ему удалось наладить сбор информации о местных революционерах (в первую очередь, эсерах). В основном, «Ловкий» занимался простым наблюдением за эмигрантами-революционерами, но иногда помогал местному русскому консульству в их аресте. Пользуясь правом экстерриториальности иностранцев русский консул в Шанхае К.В. Клейменов арестовывал их и подвергал высылке в Россию, используя в качестве полицейских сил казачий конвой консульства [24, л. 113].

Период 1908-1913 годов можно охарактеризовать как период успокоения. Революционное подполье во Владивостоке выродилось в движение разобщённых диссидентствующих лиц, не способных к активной деятельности. То же можно сказать про группы революционеров в Шанхае и Нагасаки. В 1910 году Борис Оржих эмигрировал в Чили [25, л. 81]. К этому времени удалось выяснить список лиц, с которыми он регулярно переписывался во Владивостоке, Харбине, Шанхае и других городах Дальнего Востока и Маньчжурии [25, л. 72-73]. Одним из выявленных лиц оказался военный инженер Владивостокской крепости капитан Н.И. Третеский [25, л. 44].

После отъезда Оржиха активная деятельность революционной эмиграции прекратилась, что позволило Владивостокскому Охранному отделению в спокойном режиме вести наблюдение за её представителями. На этом фоне прошли несколько относительно спокойных, не отягощённых бунтами и терактами, лет перед Первой Мировой войной.

К 1914 году большая часть революционеров-эмигрантов прекратила свою деятельность, проиграв в противостоянии с имперской политической полицией. Меньшая и наиболее активная часть оставалась под плотным и неусыпным наблюдением. После того как эмигрантская колония в Нагасаки разъехалась по всему миру, по мере улучшения отношения между Россией и Японией, основным центром зарубежной революционной деятельности стали социалисты-эмигранты, осевшие в Австралии [26, л. 139-140]. Их деятельность была слишком неорганизованной, эпизодической и малой по своим размерам, чтобы как-либо повлиять на население русского Дальнего Востока. Самое же главное — о ней было прекрасно известно Владивостокскому Охранному отделению.

Точечными арестами и постоянной агентурной работой (в том числе в Нагасаки) владивостокской охране удалось свести на нет деятельность местных организаций эсеров и разорвать все их внешние связи [8, л. 57]. Это

привело к настолько заметному ослаблению эсеровских организаций, что впоследствии они были вынуждены действовать в регионе совместно с социал-демократами. Такой объединённый характер носила подпольная группа, известная как «Военный союз Владивостокской крепости» и обезвреженная охранкой в мае 1912 года [22, л. 251]. Деятельность этой группы была единственным заметным проявлением работы социалистов-революционеров во Владивостоке в период с восстания 17 октября 1907 года и до Февральской революции.

Точно также удалось обезвредить организации РСДРП. Весной 1908 года Владивостокским Охранным отделением была ликвидирована Владивостокская организация РСДРП — были арестованы её руководящие и наиболее деятельные участники, ликвидирована типография и склады подпольной литературы. Это привело к разрыву связей между местными социал-демократами, их российскими и зарубежными центрами [8, л. 50-52]. Позже активная деятельность РСДРП фиксировалась (и всегда своевременно пресекалась) политическим сыском в Приморской области трижды — в 1911 (Никольск-Уссурийская группа РСДРП), 1913 (агитаторская деятельность Л.М. Карахана) и 1916 (Владивостокская инициативная группа марксистов К.А. Суханова) годах [8, л. 70]. В сухом остатке эта деятельность привела к тому, что после 1908-1909 годов в революционном движении Приамурского генерал-губернаторства остались лишь разрозненные единичные недовольные, проявлявшие своё антиправительственное настроение в частных разговорах с единомышленниками [27, л. 139].

Также царские власти успешно использовали боязнь японских властей, что деятельность русских эмигрантов приведёт к росту революционного движения в самой Японии. Эксплуатацию этой фобии чиновники имперской дипломатии и политической полиции успешно сочетали с стремлением японских властей к союзу с Россией. Это привело к тому, что на эмигрантскую колонию в Японии активное давление оказывали не только русские, но и японские власти.

В условиях стресс-теста Первой Русской революции 1905-1907 годов российские органы политического сыска показали себя весьма достойно, пусть их деятельность была и не без ошибок. Сыскная деятельность МВД и жандармерии привела к фактической ликвидации революционного подполья в 1906-1908 годах, что признавалось в советские годы исследователями этого вопроса и участниками тех событий, оставивших свои мемуары. Однако успешно борясь с проявлениями революционного движения, политическая полиция Российской империи не могла никоим образом побороть причины его возникновения.

Литература и источники

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 344.
2. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 536. Оп. 2. Д. 1.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 38.
4. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 18.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 19.
6. РГИА ДВ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1.
7. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 107.
8. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 361.
9. РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1577.
10. РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1580.
11. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2872.
12. Качкин А.Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №1 (21). С. 61-65.
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316 (Особый отдел, 1898-1917 гг.). Д. 876.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 27 (1-е делопроизводство, 1907). Д. 70ч. 33.
15. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316 (Особый отдел, 1898-1917 гг.). Д. 825ч. 27.
16. ГАРФ. Ф. Р-5800. Оп. 1. Д. 4.
17. РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 8.
18. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 716.
19. Бутырин Д.А. Агенты и провокаторы охранного отделения Владивостокской крепости (1907-1908 годы) // Новый исторический вестник. 2020. №2 (64). С. 23-57.
20. Буйков А.Н. Агентурная деятельность владивостокского охранного отделения в среде политической оппозиции: 1907-1917 годы // Проблемы российского государственного строительства и законодательства. Сб. научн. тр. Владивосток, 1994. С. 179-197.
21. ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 605.
22. РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21.
23. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238 (Особый отдел, 1908 г.). Д. 102.
24. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238 (Особый отдел, 1908). Д. 9ч. 86 л. А.
25. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241 (Особый отдел. 1911 г.). Д. 20ч. 64 л. Б.
26. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244 (Особый отдел, 1914 г.). Д. 5ч. 64 л. Б.
27. РГИА ДВ. Ф. 536. Оп. 2. Д. 11.

References

1. Russian State Archive of Socio-Political History (hereinafter – RGASPI). F. 70. Op. 3. D. 344.
2. Russian State Historical Archive of the Far East (hereinafter – RGIA DV). F. 536. Op. 2. D. 1.
3. Russian State Historical Archive (hereinafter – RGIA). F. 1276. Op. 4. D. 38.
4. RGIA. F. 1276. Op. 4. D. 18.
5. State Archive of the Russian Federation (hereinafter – GARF). F. R-6683. Op. 1. D. 19.
6. RGIA DV. F. 563. Op. 1. D. 1.
7. RGASPI. F. 70. Op. 3. D. 107.
8. RGASPI. F. 70. Op. 3. D. 361.
9. RGIA DV. F. 87. Op. 1. D. 1577.
10. RGIA DV. F. 87. Op. 1. D. 1580.
11. GARF. F. 110. Op. 3. D. 2872.
12. Kachkin A.N. *Formirovanie Vladivostokskoi krepostnoi zhandarmskoi komandy* [Formation of the Vladivostok fortress gendarme Command]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East]. 2013. No. 1 (21). Pp. 61-65.
13. GARF. F. 102. Op. 316 (Osobyi otdel, 1898-1917 gg.). D. 876.
14. GARF. F. 102. Op. 27 (1-e deloproizvodstvo, 1907). D. 70ch. 33.
15. GARF. F. 102. Op. 316 (Osobyi otdel, 1898-1917 gg.). D. 825ch. 27.
16. GARF. F. R-5800. Op. 1. D. 4.
17. RGIA DV. F. 536. Op. 2. D. 8.
18. RGIA. F. 1276. Op. 3. D. 716.
19. Butyrin D.A. *Agenty i provokatory okhrannogo otdeleniya Vladivostokskoi kreposti (1907-1908 gody)* [Agents and provocateurs of the Vladivostok Guard Department (1907-1908)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin] 2020. No. 2 (64). Pp. 23-57.
20. Buyakov A.N. *Agenturnaya deyatelnost' vladivostokskogo okhrannogo otdeleniya v srede politicheskoi oppozitsii: 1907-1917 gody* [Agent activity of the Vladivostok Guard Department among the political opposition: 1907-1917]. *Problemy rossiiskogo gosudarstvennogo stroitel'stva i zakonodatel'stva. Sb. nauchn. tr.* [Problems of Russian state building and legislation. Collected papers]. Vladivostok, 1994. Pp. 179-197.
21. GARF. F. 4888. Op. 5. D. 605.
22. RGIA DV. F. 536. Op. 1. D. 21.
23. GARF. F. 102. Op. 238 (Osobyi otdel, 1908 g.). D. 102.
24. GARF. F. 102. Op. 238 (Osobyi otdel, 1908). D. 9ch. 86 l. A.
25. GARF. F. 102. Op. 241 (Osobyi otdel. 1911 g.). D. 20ch. 64 l. B.
26. GARF. F. 102. Op. 244 (Osobyi otdel, 1914 g.). D. 5ch. 64 l. B.
27. RGIA DV. F. 536. Op. 2. D. 11.